

Гоча Алёшович

Курсант
Батумской
Мореходки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Курсант Батумской Мореходки

Гоча Алёшович

Курсант Батумской Мореходки

«Автор»

2026

Алёшович Г.

Курсант Батумской Мореходки / Г. Алёшович — «Автор»,
2026 — (Курсант Батумской Мореходки)

Батуми, 1984 год. Романтика дальних плаваний разбивается о суровую реальность: Семнадцатилетний парень попадает в ад, где выживают только сильные или хитрые. Но у этого ада есть и другая сторона. Здесь обретают друзей на всю жизнь. Здесь проверяют на прочность — и не только в драках. Здесь, на пыльных плацах и в прокуренных кубриках, мальчишки превращаются в мужчин. Батуми, 1985 год. Наш герой повзрослел и нашел друзей. Ироничная, горькая и бесконечно тёплая история о взрослении, первой любви, настоящей дружбе и о том, как найти своё море, даже если оно оказалось не там, где ты ждал.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Курсант Батумской Мореходки

Глава

1. Море зовет

Жигули ВАЗ-2103 цвета морской волны — ирония судьбы или чей-то тонкий расчёт — неспешно вкатился на территорию училища и занял своё законное место. Слева от парадного входа, под сенью платанов, где пыль казалась благороднее.

— Смотри, «Волга» начальника приплыла, — услышал я шёпот сзади.

— Какая «Волга»? Это «Жигули». Третья модель.

— Для нас, салага, это всё равно что фрегат. Не отвечивай.

За рулём сидел Бидзина Орагвелидзе. Расстояние от его квартиры до ворот училища можно было измерить не метрами, а секундами. Но начальник предпочитал сохранять видимость благополучия. И дистанцию. Всегда. Он вышел, притворил дверцу с мягким шелчком. Поправил фуражку.

— Доброе утро, товарищ начальник училища! — рявкнул дежурный по КПП, вытягиваясь в струнку. — За время моего дежурства происшествий не случилось! Дежурный по КПП курсант Джаши!

Орагвелидзе кивнул, не глядя, и медленно направился к парадному входу. Со стороны — упитанный, добродушный мужчина с мягкими чертами лица. Он больше напоминал уважаемого главврача, чем «отца-командира» той самой легендарной и страшной «мореходки».

«Ты помнишь, как всё начиналось. Всё было впервые и вновь.»

— Морская специальность, — сказал я отцу, разглядывая журнал «Морской флот». — Обеспеченная жизнь. Офицер запаса. Загранка. Посмотреть мир.

Отец молча курил, глядя куда-то мимо меня. Потом спросил:

— А слухи эти... что там нормально не учат... правда?

— Чего ты, пап, — махнул я рукой. — Армия. Дисциплина. Училище имени маршала!

Он тяжело вздохнул:

— Ладно. Твоя жизнь. Только смотри... не сядь ты там, в самом деле.

Я тогда не понял, о каком «сидении» он говорит.

Море звало. Но не романтическим баритоном из радиоприёмника. Оно звало глухим гулом в ушах, едким запахом мазута и водорослей, туманной перспективой уйти за линию горизонта. Побег от скучной, предсказуемой земли казался гениальным планом.

Но летом 84-го Батумскому мореходному училищу имени маршала инженерных войск А.В. Геловани (БМУ) не повезло. Сверху пришла директива: закрыть военную кафедру. А ведь именно она была приманкой для тех, кто не хотел служить в советской армии. Четыре года — и ты офицер запаса. Можно было сходить пару раз «за бугор», а потом обосноваться на берегу в тёплом местечке. Попасты сюда раньше было всё равно что выиграть в лотерею. Нужно было быть либо гением, либо «Буратино» с толстым кошельком.

Как говаривали потом местные батумцы: «Пока русские офицеры стояли на мостике, училище ещё держалось. А как свои пришли... началось. За поступление платили, как за бочку чёрной икры в „Интуристе“. Вилли Токарев не зря пел — в Америку дешевле было уплыть, чем в ваше БМУ поступить». И ему, кстати, так и не удалось.

Всё кончилось с закрытием кафедры. Золотой ручеёк иссяк. И вот этим летом у стен мореходки собралась разношёрстная толпа, у которой не было ни денег, ни блестящих знаний.

— План трещит, товарищ начальник! — сухо доложил Орагвелидзе его зам по учебной части. — Если не наберём, сократят финансирование. А потом и нас самих...

— Набирайте, — без выражения сказал начальник, глядя в окно на пустой плац. — Всех. У нас сильный педагогический состав, всех выучим. Лишь бы места были заняты.

Итог был плачевен. На первом общем построении старшина четвертой роты, костлявый, как рея, урюк-армянин, склонился к уху своего друга Вавилова и прошептал:

— Вань, ты видишь это стадо? Это же статья 213-я УК на нашу голову. Банда, а не курсанты.

С началом занятий выяснилась и причина нашего массового попадания сюда. Мы все мечтали «сесть». Только пути расходились. Одни грезили о том, чтобы сесть на пароход и уйти в рейс, другие же мечтали буквально сесть в тюрьму. Культ «воров в законе» был тогда в Грузии альтернативной религией.

В первую же ночь в экипаже, в душном девятиместном кубрике, раздался хриплый голос здорового детины из Якутска:

— Эй, пацан. А водка у тебя есть?

— Нет, — буркнул я.

— Жаль. А деньги есть? Сгоняешь за портвешком. Для знакомства.

— Денег нет.

Наступила тишина. Потом тот же голос, уже без дружелюбия:

— Завтра будут. Понял?

Наше общежитие очень быстро перестало походить на учебное заведение. Оно напоминало зону. Пока в России пионеры хотели стать космонавтами, здешние мальчишки грезили о воровской романтике.

— Ты зачем сюда поступил? — спросил меня сосед по койке, тощий парень из Кутаиси.

— Море, — честно ответил я.

Он хрипло рассмеялся:

— Море? Брат, тут не море. Тут — мореходка. Это тебе не океан бороздить. Это — выжить. Первая наука — не навигация. Первая наука — понять, кто тут смотрящий, кто шестёрка, и как самому не стать «петухом». Учись, генацвале. Лоцию местных нравов осваивай. Она посложнее мировой будет.

Он оказался прав. Море было где-то там, за высокими грязными окнами. А здесь, в этом кипящем котле страхов, амбиций и пота, начиналась наша настоящая морская жизнь.

После первой бурной ночи, когда выспаться так и не удалось, наш первый курс судоводительского отделения приступил к учёбе. В семь утра нас выгнали на плац.

— Рота, смир-р-рно! — голос старшины Арсена резал рассвет. — Первый день, красавчики. Сейчас узнаете, что такое дисциплина. Кругом! Шагом марш!

Мы брели, спотыкаясь, в такт его командам.

—левой!левой! Раз-два-три! Курсант, ты что, на танцы пришёл? Ноги выше!

Потом началась учёба. Первая пара — высшая математика. Преподаватель, сухой мужчина в очках, без эмоций объявил:

— За семестр нужно освоить основы математического анализа. Первое: понятие производной. Откройте тетради.

В углу кто-то громко зевнул и выматерился по-грузински.

— Кто это позволил себе? Вон! — ткнул преподаватель пальцем. — И завтра с командиром роты ко мне.

В классе воцарилась гробовая тишина. Из-под парты донёсся шёпот:

— Ваню, ты понял что-нибудь?

— Ни бум-бум. Какое, нафиг, море? Тут про развод какой-то...

Класс весело заржал.

День превратился в кошмарное путешествие по кабинетам.

— Физика, — стонал я, бредя по коридору.

— Не физика, а пиз...дец, — поправил меня сосед по койке, Гоги, бледный парень из Кутаиси. — Иди быстрее, а то опоздаем.

В классе теории устройства судна инженер-капитан показывал на плакате:

— Это — форштевень. Это — ахтерштевень. Это — киль. Запомните, как «Отче наш». Курсант Джабашвили, повтори.

— Фор... штевень. Ахтер... — Джабашвили, громила в два метра ростом, запнулся.

— Не ахтер, а ахтерштевень! Садись, два!

Местные ребята переглянулись. Один, с хитрой рожей, начал что-то быстро писать на клочке бумаги, свернул его в плотную трубочку и передал вперёд. Записка пошла по рукам. Тот, кто её получал, разворачивал, читал и сразу, как по команде, вскидывал голову, уставившись на потолочную лампочку в центре аудитории. На лице у него застывала смесь глупого ожидания и недоумения. В зале, видя эту реакцию, уже сдержанно похихикивали. Обманутый, покраснев, с глупой улыбкой передавал записку дальше. Следующая жертва проделывала то же самое: читала, взгляд — на лампочку, пауза — и по его лицу разливалось осознание дури. Смех нарастал, становясь уже не сдержанным, а гулким, давящим.

Записка добралась до коренастого. Он прочёл, посмотрел на лампу, ничего не увидел, но заржал громче всех, шлёпнул себя по лбу и швырнул бумажку соседу. Смех превратился в раскатистый хохот, который уже было не остановить. Дежурный лейтенант оторвался от газеты, нахмурился.

— Что за безобразие? Кто это устроил? Тишина, я сказал!

Лейтенант тяжело вздохнул, встал и, нависая над рядами, вырвал бумажку у очередного «читателя». Тот замер, пытаясь сдержать конвульсии смеха.

В наступившей внезапной тишине лейтенант развернул записку и прочёл вслух, медленно, сбиваясь, не понимая соли:

— «Кто... повесил... женские трусы... на лампочку?»

— Это что за похабщина?! — рявкнул он, скомкав бумажку. — Чья работа?!

Ответом был взрыв. Смех, который уже невозможно было сдержать, вырвался наружу — грохочущий, животный, очищающий. Смеялись все: и местные, затеявшие игру, и русские, над которыми смеялись минуту назад, и даже сам лейтенант, внезапно фыркнув и махнув рукой.

— Всё, всё... Кончай цирк! — с трудом выдавил он, отворачиваясь, но плечи его всё ещё вздрагивали. — Продолжайте заниматься. Тишина.

Но тишины уже не было. Было счастливое, детское хихиканье, расплывшееся по аудитории. Мы хохотали до слёз, до боли в боках. В этот момент не было ни своих, ни чужих, ни бластных, ни тихонь. Была просто кучка пацанов, нашедших в духоте вечера идиотский повод забыть, где они находятся.

Потом нас погнали на ужин. В столовой, как ни странно, царил порядок. У раздачи стоял толстый дядька в белоснежном халате и напевал грузинскую песню.

— Давай быстрее, мореплаватели! — бубнил он, шлёпая ложкой кашу.

Мы получали свои порции и старались сесть в углу. За соседним столом собрались местные, громко разговаривая по-грузински. Один из них, коренастый парень с пышным лицом, крикнул через весь зал:

— Эй, Сашка! Принеси нам хлеба!

Сашка, к которому было обращено, покраснел, но встал и принёс.

— Молодец, — усмехнулся коренастый. — Теперь соль.

Когда Сашка принёс соль, его уже ждали:

— А где мой компот? Не видишь, у человека компота нет?

После ужина многие прятали еду. Гоги показал на мою краюху хлеба в кармане:

— Лучше съешь сейчас. Иначе эти шакалы всё равно отберут, а тебя «чуханом» сделают. Мы вернулись в экипаж.

— Эй, новенький! — ко мне подошёл тот самый коренастый. Его звали Гия. — Покажи, что у тебя есть.

— Ничего нет, — буркнул я.

— А это что? — Он ловко вытащил из-под моей подушки пачку «Космоса». — О, куришь! Будешь делиться с друзьями?

— Отдай.

— А что ты сделаешь? — Гия оглянулся на своих двух приятелей. — Объяснить тебе, как тут живут?

Я замолчал. Гия усмехнулся:

— Умный. Завтра принеси ещё. И деньги не забудь. Для общего дела.

Кто пытался сопротивляться, того «учили». После отбоя из туалета доносились приглушённые звуки:

— Будешь ещё умничать?

— Нет...

— На колени. И извинись.

— Простите...

— Громче!

После полуночи начиналось «веселье». Приблатнённые ходили по кубрикам.

— Смотри-ка, спит, как сурок! — кто-то кричал. — Давайте разбудим!

Между пальцами ноги просовывали тлеющую газету — «велосипед». Через минуту раздавалось:

— Твою мать! Горю!

Хохот. Беготня. Вонь гари.

Иногда поджигали матрасы. Однажды проснулся от крика соседа:

— Я горю! Помогите!

Мы вскочили, сбили тлеющий матрас на пол, затоптали. В темноте сияли довольные лица Гии и его компании.

— Что, спать мешаем? — спрашивал Гия. — Извините, нечаянно.

Утром кто-то обнаружил, что брюки исчезли, а тельняшка висит в окне, насквозь мокрая от росы.

— Опять эти уроды, — бормотал Сашка, отжимая одежду. — Скоро ходить будет не в чем.

А жара стояла невыносимая. В душном кубрике невозможно было дышать.

— Откройте окно, хоть чуть-чуть! — просил кто-то.

— Нельзя, — отвечал дежурный. — Приказ. Только форточки.

Боялись, что мы повыпрыгиваем из окон или простудимся?

Мы спали на мокрых простынях, просыпались от жажды или от криков. Однажды ночью Гия разбудил меня, тыча пальцем в грудь:

— Вставай. Пойдём со мной.

— Куда?

— Мало ли куда. Пойдём — и всё.

Я встал и пошёл за ним. Он привёл меня в туалет, где уже ждали двое.

— Стоять, — сказал Гия. — Ты мне не понравился. Слишком умный. Надо это исправить.

Один из его приятелей достал из кармана раскладной нож.

— Будешь молчать? — спросил Гия.

Я кивнул.

— Правильно. А теперь снимай штаны.

— Что?

— Ты слышал. Или хочешь, чтобы тебе «помогли»?

В этот момент дверь туалета с треском распахнулась. На пороге стоял старшина Арсен с фонариком.

— Ага! — сказал он спокойно. — Ночные прогулки. Любители. Всё, свободны. Завтра разберёмся.

Гия и его приятели быстро исчезли. Арсен посмотрел на меня:

— Иди спать. И запомни: жаловаться — только хуже будет. Разбирайся сам. Или научись не попадаться.

Я вернулся в кубрик. Спать уже не мог. До утра смотрел в потолок, слушая храп соседей и думая о том, что море, ради которого я сюда приехал, стало казаться не целью, а несбыточной, далёкой сказкой. А реальность была здесь, в этом душном, вонючем, жестоком кубрике, где выживание стало главным предметом.

2. Лоция местных нравов

Следующее утро началось не с горна, а с пинка в бок.

— Вставай, красавец. Командир роты хочет тебя видеть, — над койкой нависал старшина Арсен. Его лицо не выражало ничего, кроме усталой повинности. — Быстро одевайся. Гюйс надеть. Без пятен.

В коридоре, на сквозняке, пахло хлоркой и сыростью. Мы шли молча, и только сапоги Арсена отбивали чёткий, равнодушный ритм по бетонному полу. Я пытался сообразить, что скажу. Жаловаться? Это было бы самоубийственно. Молчать? Значило признать, что всё так и будет продолжаться.

Командир нашей, второй роты, капитан Церетели, оказался невысоким, сухопарым мужчиной с острым, как у хищной птицы, профилем. В его кабинете — «каюте» — пахло табаком, книжной пылью и влажным сукном. Он сидел за столом, разбирая какие-то бумаги, и не поднял головы, когда мы вошли.

— Старшина второй роты Арсен с курсантом... — начал Арсен, вытягиваясь.

— Знаю, знаю, — Церетели махнул рукой, всё ещё глядя в документ. — Салага с севера. Мечтатель. — Наконец он поднял на меня глаза. Взгляд был жёсткий, уставший, без капли добродушия. — Ну что, освоился? Нравы наши изучил?

Я молчал, чувствуя, как под гюйсом выступает холодный пот.

— Старшина докладывает, что ночью имел место... конфликт. В санитарной комнате. Это правда?

— Товарищ капитан, я...

— Я задаю конкретный вопрос. Был конфликт?

— Был, — выдавил я.

— И кто его инициатор? — Церетели откинулся на спинку стула, сложив пальцы домиком. Его взгляд стал отстранённым, будто он наблюдал за экспериментом.

Я снова замолчал. Сказать «Гия» — означало подписать себе приговор. Но сказать «не знаю» — выглядело бы как трусость.

— Он не хочет стучать, товарищ капитан, — неожиданно сказал Арсен, стоя по стойке «смирно». — Боится.

— Я не спрашивал тебя, старшина, — отрезал Церетели, но в его голосе не было злости. Скорее, понимание. Он снова посмотрел на меня. — Боишься?

— Да, — честно признался я.

— Правильно делаешь, — капитан Церетели вдруг ухмыльнулся, но в этой ухмылке не было ничего весёлого. — Страх — это первый признак того, что мозги на месте. Идиот не боится. Идиот лезет на рожон и получает по шее. Или становится игрушкой для таких же идиотов.

Он помолчал, вытащил из стола пачку «Казбека», прикурил.

— Ты думаешь, я не знаю, что там, в кубриках, творится? Знаю. Каждый вечер мне старшина докладывает, кто у кого папиросы отжал, кто кому форму испортил. Я — как капитан на мостике. Вижу айсберги, но не могу каждый раз менять курс. Понял? Это — твоя акватория. Твоя зона ответственности. Я не могу поставить к каждому из вас дневального с автоматом.

Он выпустил струю дыма в сторону запотевшего окна.

— У тебя есть два пути. Первый — стать жертвой. Будешь мыть за всех сортиры, отдавать пайку и курицу, а однажды проснёшься без штанов на гальке за забором. Второй — научиться плавать в этой мутной воде. Найти свою стаю. Показать, что ты не пешка. Не обязательно лезть в драку — можно быть умнее. Но это твой выбор. Я лишь констатирую факт: если на следующем разборе полётов твоя фамилия будет в сводке как потерпевшего — считай, что ты сам подписал себе диагноз. Бесперспективный. А с таким диагнозом здесь делать нечего. Вопросов нет?

Я молчал, пытаюсь переварить эту странную, циничную, но отчего-то честную инструкцию по выживанию.

— Всё. Свободен. И, салага... — он остановил меня на пороге. — Море. Оно того не стоит, если ради него нужно перестать быть человеком. Запомни это.

Мы вышли в коридор. Арсен шёл рядом, не глядя на меня.

— Понял, что тебе сказали? — спросил он на ходу.

— Кажется, да.

— Ни хрена ты не понял, — буркнул старшина. — Он тебе не мать родная, чтобы переживать. Ему нужен порядок в роте. Любой ценой. Твоя драка с Гией — это угроза порядку. Поэтому он тебя и предупредил. Чтобы ты или сам справился, или... исчез. А ему — всё равно.

Я вернулся в кубрик в странном оцепенении. Капитан Церетели не стал ни спасателем, ни судьёй. Он был просто диспетчером, холодно отметившим на карте потенциальный очаг беспокойства. Моя проблема оставалась моей.

Вечернее занятие по навигации проходило в том же самом классе, где днём случился скандал с запиской. Я сел с краю, стараясь быть незаметным, и уткнулся в карту, водя карандашом по несуществующему курсу. Через десять минут ко мне бесшумно подсел Гия. Он пах потом и дешёвым табаком.

— Ну что, стукачок, пожаловался? — прошипел он, не глядя на меня, делая вид, что тоже изучает лоцию. — Командир роты звал?

Я не ответил, чувствуя, как сжимается желудок.

— Я с тобой разговариваю, северный олень, — его голос стал тише и опаснее. — Ты что, наябедничал про наш ночной... разговор?

Мне стало откровенно страшно, но страх внезапно сменился странным, почти истерическим спокойствием. Я поднял на него глаза.

— Я ничего не говорил. Старшина сам всё видел. А командир роты, — я сделал паузу, подбирая слова, — он, наверное, и так всё про тебя знает. И про твои... гомосексуальные домогательства к новичкам. Меня они, честно говоря, просто напугали.

Гия резко повернул ко мне голову. Его лицо выражало такую чистую, неподдельную растерянность, что это было почти комично. Он разинул рот, потом закрыл его. Потом снова открыл. И вдруг — фыркнул. Тихий, сдавленный звук вырвался у него из горла, а потом перерос в содрогающий всё его тело, беззвучный хохот. Он упёрся лбом в стол, и плечи его тряслись.

Через мгновение он поднял голову, вытирая слезу, и поманил своих двух приятелей, сидевших через ряд. Они подошли, насупленные. Гия, всё ещё давясь от смеха, что-то быстро и виртуозно зашептал им по-грузински, тыча пальцем в мою сторону. Я понял только слова «стукач» и какое-то очень экспрессивное ругательство. Но реакция его дружков была неожи-

данной. Вместо злости их лица сначала выразили недоумение, а потом они тоже заржали — громко, хрипло, как лошади. Один даже схватился за живот.

Когда смех немного утих, Гия обернулся ко мне. В его глазах уже не было угрозы, а только удивление и какое-то дикое веселье.

— Ты... ты серьёзно? — спросил он, с трудом переводя дыхание. — Думаешь, я... такой? Я молчал, не зная, чего ждать.

— Брат, — Гия положил мне на плечо тяжёлую лапу. — Мы тебя просто попугать хотели. Проверить, на что ты годен. А ты... — он снова захихикал. — Ты нам про геев впариваешь! Это сильно! Сильно, генацвале!

Его приятель, тот что покрупнее, кивнул, всё ещё ухмыляясь:

— Ты думал, мы правда будем штаны снимать? Нет, чувак. Это ж тухляк. На зоне за такое убивают. Мы просто гоняли тебя. Чтоб знал, где чьё место. Но раз уж ты такой шустрый... — он обменялся взглядом с Гией. — Ладно. На том и разошлись. Только смотри, язык за зубами. И про «геев» — забудь. А то правда обидимся.

Они похлопали меня по плечу, всё ещё похихикивая, и ушли на свои места. Я сидел, ощущая полную прострацию. Только что мне угрожали ножом и унижением, а теперь хлопали по плечу, как старому приятелю, которого только что разыграли. Это было сюрреалистично.

Но после этого разговора мир «мореходки» предстал в новом свете. Он был не просто джунглями, где выживает сильнейший. Это была сложная, многоуровневая система с причудливыми, извращёнными ритуалами инициации. Запугать — это норма. Довести до предела — часть процесса. А потом, если жертва не сломалась, а выдала какую-то неожиданную реакцию, её могли... не принять, но условно «отпустить». Офицеры были над этой системой, но они предпочитали не спускаться в её недра, если только там не начинался пожар, угрожавший их собственному положению. А такие ритуалы, как оказалось, пожаром не считались. Это была просто повседневная погода в этом закрытом, душном микрокосме.

3. Боевая тревога

У мореходки была железная, как якорная цепь, традиция: если кто трогал её курсантов — в драку вписывалась вся мореходка. Это был единственный случай, когда бандит, тихоня и зубрила становились одним целым — экипажем корабля под общим флагом. Особенно если обидчики были из других учебных заведений Батуми: из стройтехникума («бетонщики»), из медучилища («зелёнки») или, страшно подумать, из «нарика» — местного ПТУ, которое все звали «кузницей кадров» для городской шпаны.

Между зданием экипажа и столовой были хозяйственные ворота метра четыре высотой, с кривой калиткой, которая считалась всегда закрытой. Именно через них, как Бубка через планку, мы перемахивали в самоволку или на «разборки». Но занимались этим исключительно первокурсники. На втором году приходило горькое понимание: от одного твоего удачного хука в челюсть какого-нибудь пьяного бетонщика ты мог запросто остаться без практики за границей. А это была самая горячая, почти религиозная мечта любого курсанта. Поэтому «старикам» в таких делах предпочитали роль греческих хоров — стоять в стороне, мудро кивать и отправлять в бой пушечное мясо — нас, первый курс.

В октябре 1984 года какие-то идиоты из непознанной до конца субстанции подрались с нашими первокурсниками где-то в районе Пионерского озера. Из-за девушек, из-за взгляда, из-за того, что море «не тем пахло» — причину уже никто не помнил. Важен был сам факт, озвученный с эпической простотой: наших били.

В это время я сидел в спортзале вместе с однокурсником по фамилии Разумов. Мы рисовали картину три на два метра, посвящённую Великой Отечественной. Вернее, Разумову, который оказался гениальным художником, нужен был просто помощник — таскать холст, мешать краски, красить рамку. Я и вызвался, чтобы не торчать на самоподготовке, где можно было нечаянно уснуть и проснуться с похабным рисунком на лице. Теперь вечера мы проводили вместе. Он, сосредоточенный и молчаливый, вырисовывал лица солдат и дым пожарищ, а я закрашивал огромный золотой бордюр. Это было медитативно и мирно. Сюда, в наш импровизированный «художественный салон», пахнувший краской, клеем и гречневой кашей из сухпайка, даже прибегали парни из роты попить чаю, почесать языком или посмотреть, как рождается шедевр Разумова. Забегал иногда и Гия — покрутиться, покритиковать («У этого немца, по моему, челюсть кривая. Он что, с похмелья?»), обзовёт Разумова Пикассо и притащит печенье, которое отжал у механиков. Так как мы были штурмана, есть продукты механиков было не только можно, но и свято. Здесь, у мольберта, все были просто людьми.

И тут влетел Сашка, красный и запыхавшийся.

— Наших быют! — выпалил он, схватившись за бок. — Медухи наших у Пионерского озера накрыли! Двух в санчасть отвезли!

Разумов даже не оторвался от холста, продолжая прописывать складку на шинели.

— Идиотизм, — тихо сказал он. — Начальство срисует и всем, кто там будет, по шапке надаёт.

— Какая шапка, ты чего? — возмутился Сашка. — Наших бить нельзя! Ты что, не мужик?

— Мужик, — спокойно ответил Разумов. — Поэтому и не пойду. Мне за картину семестр зачтут, а за драку — точно нет. И вам не советую. Лучше помогите мне красную краску найти, а то у меня «кровь» на гимнастёрке больше на клюквенный морс похожа.

Но его уже не слушали. Гоги и Ваню металась по спортзалу, собирая «инструмент» — свинчатку, намотанную на руку из эластичного бинта.

— Ты с нами? — Гоги посмотрел на меня, и в его глазах я увидел не ярость, а азарт предстоящего хаоса.

Я колебался. Страх сковал ноги. Но ещё сильнее был страх выглядеть трусом перед теми, с кем мы только начали выстраивать своё хрупкое братство.

— С вами, — кивнул я, чувствуя, как сохнет во рту и начинает чесаться кулак — предательский признак стадного инстинкта.

В этот момент в спортзал вошёл Гия. Он уже был в курсе. В его глазах горел не злой, а какой-то деловой, холодный азарт, как у бухгалтера, отправляющегося на аудит.

— Ну что, живописцы? — усмехнулся он. — Разумов, ты, ясное дело, остаёшься. А ты... — он ткнул пальцем в мою грудь. — Идёшь. Пора уже не краской, а мордой в деле провериться. Я за тобой пригляжу. Чтоб не струсил в последний момент и не спрятался за мольберт.

Через окно мы увидели, как мимо, с дикими воплями, пронеслась новая волна курсантов. Кто-то снаружи рывкнул: «Они там наших у озера кроют! Всем на выручку!». И дисциплина рухнула окончательно. Народ, как приливная волна, повалил к воротам и хлынул наружу.

Сопротивляться было бесполезно. Мы бежали в этой обезумевшей толпе, и во мне боролись страх и какое-то дикое, первобытное чувство единства с этими людьми.

Был тёплый субботний вечер, в парке у Пионерского озера — гуляющие парочки, семьи с детьми, пенсионеры на скамейках. Вид сотни с лишним человек, кое-как одетых в тельняшки и гюйсы, с ремнями и свинчатками в руках, навел чистый, животный ужас. Не нужно было даже кричать «Беги!». Толпа отдыхающих рванула на выход, когда увидела, как к ним несётся эта орда, напоминающая то ли спецназ, то ли массовый побег из психоневрологического диспансера. Даже мороженщик, обычно непотопляемый, схватил свой ящик и рванул с такой скоростью, что, казалось, обогнал бы самого Усэйна Болта в будущем.

Так что найти, на ком оторваться, нам не удалось. Мы, довольные и возбуждённые, с криками «Только троньте еще наших!» и матерными обещаниями на всё Батуми, двинулись обратно, чувствуя себя непобедимым легионом. Настроение было приподнятым, как после удачно сданного зачёта, только вместо знаний в головах гулял ветер, а в руках болтались ремни.

Не доходя до центральных ворот метров сто, рядом с Дельфинарием, мы уперлись в стену. У ворот, освещённый фарами двух милицейских «воронок», стоял начальник училища Бидзина Орагвелидзе. Рядом — несколько милиционеров с лицами, выразившими профессиональную скуку и предвкушение бумажной волокиты. Все замерли. Тишина наступила такая, что было слышно, как у кого-то в кармане звенит мелочь.

И если бы он просто подошёл и тихо сказал: «Ребята, идите домой, я всё понимаю», — мы бы, понутив головы, поплелись в экипаж. Но ему захотелось покомандовать при свидетелях. Он взял мегафон, и его голос, неестественно громкий и шипящий, прорезал тишину:

— Курсанты! Немедленно и организованно возвращайтесь в экипаж! Гарантирую, трогать никого не будут!

Слово «гарантирую» в устах любого начальства в те годы означало ровно обратное. Это был синоним слов «всем пиздец». Толпа дрогнула, и кто-то с заднего ряда, владевший основами риторики, крикнул: «Нас предали! Бежим!».

Вместо того чтобы идти к воротам, толпа рванула к забору Дельфинария. Трёхметровое ограждение нас не остановило. Это было зрелище, достойное кино: первокурсники, забыв все законы физики и здравого смысла, цеплялись, падали, подсаживали друг друга и перемахивали через забор с грацией обезумевших лосей. Дураков попадаться «ментам» в чистые, наглаженные гюйсы не было.

Через минуту сто двадцать несостоявшихся мстителей уже носились по аллеям Дельфинария, выгпывая клумбы и пугая ночных сторожей и, вероятно, дельфинов, которые в тот вечер получили уникальный опыт наблюдения за стадным поведением *Номо soveticus* в естественной среде обитания. Оттуда — через следующий забор, уже на территорию училища. Оказавшись в родных стенах, все мгновенно рассосались по кубрикам, как шакалы по норам. Началась лихорадочная работа: прятать ремни со свинцом, менять порванные гюйсы, отмыть грязь и ссадины. Воздух в экипаже пах победой, потом и валерьянкой, которую кто-то предусмотрительно стащил из санчасти.

Репрессий вечером не было. Только более строго пересчитали курсантов на вечерней проверке. Старшина Арсен, обходя строй, смотрел на нас так, словно мы были не людьми, а сложной и крайне дурнопахнущей биологической аномалией. Тишина была зловещей.

Утром на плацу, под холодным октябрьским солнцем, нас ждал начальник училища. Его тихий, интеллигентный голос был слышен каждому курсанту.

— Вы не курсанты. Вы — вандалы и паникёры, — начал он без эмоций. — Вы не только опозорили училище. Вы начисто вытоптали экспериментальный сад в Дельфинарии. Там росли редкие субтропические растения, за которыми десятилетиями ухаживали грузинские учёные, а вы их превратили в салат «Оливье» за пять минут! За каждое сломанное дерево вы будете

платить из своей стипендии. А зачинщики получают выговоры с занесением. И можете забыть о заграничной практике в этом году.

Все с трепетом слушали, что Бидзина скажет дальше.

— Конечно, прийти на помощь своему товарищу, — продолжал он, вытирая платком лоб, — это святое. По-братски. По-морскому... Но вот что вы должны понять. Настоящая помощь товарищу — это не толпой бежать, как стадо бизонов. Это — научить его так, чтобы он сам больше не был слабым звеном и его не приходилось спасать.

А самое главное, — он посмотрел на наш первокурсный сброд, — это понимать, что в случае чего его личная дурость ляжет пятном на всех. На всё училище. И тогда уже никакое «братство» не спасёт. Запомните: море ошибок не прощает. И здесь — тоже. Сегодня вы топчете клумбы, завтра — просчитаетесь на мостике в шторм. А там уже извиняться будете не перед директором Дельфинария, а перед Боженькой. Если успеете. Всё. Свободны.

Но странная вещь — его слова почти не ранили. Потому что мы были молоды и в голове было много бреда, а ещё с вечера по всему Батуми уже ползли слухи, обрастая невероятными деталями: «Курсанты БМУ вчера отмутузили банду хулиганов из медучилища! Те целую экскурсию девочек хотели утопить! А наши — вступились!».

В тот день в нас, проходящих по городу, тыкали пальцами, но с одобрением. Старушки у подъездов качали головами, но не с осуждением, а с таким видом, будто мы герои. А в столовой поварахи не ругали нас, а шеф-повар Сандро, вместо того чтобы читать нотации, устроил нам небольшой концерт, исполняя душевные грузинские песни о героях и вине, пока мы, герои, доедали свою бесплатную порцию второго.

Вернувшись в кубрик, я застал Гию. Он сидел на моей койке и курил, созерцая дымное кольцо с видом философа.

— Ну что, художник? — усмехнулся он. — Понял, наконец, что тут к чему?

— Понял, — сказал я. — Что все мы — идиоты.

— Не все, — Гия неожиданно серьёзно посмотрел на меня. — Ты, например, не побежал сначала, как и Разумов. А потом побежал со всеми — зачем? И через забор лез. Это заметили. Значит, не крыса. Значит, свой. Пусть и романтический дурачок.

Он встал, похлопал меня по плечу и ушёл, оставив в воздухе шлейф табака, а в моей руке — пачку начатого «Мальборо» и смутное чувство товарищества.

Я лёг и смотрел в потолок. Море было по-прежнему далеко. Но сейчас я вдруг почувствовал, что мой корабль, наконец, принял на борт первую, самую трудную партию груза — признание. Пусть и такого, о котором не напишут в учебниках по морскому делу.

P.S.

Года через два меня, как человека ответственного и не замеченного в особых подвигах после того случая, назначили руководить дискотекой БМУ. По долгу службы я отправился в медицинское училище приглашать девушек на наш скромный танцевальный вечер. И тут, в холле, забитом исключительно юными особами в белых халатах, на меня снизошло страшное откровение. Я спросил у бойкой девушки-старшекурсницы:

— Скажите, а... парни у вас учатся?

— Какие парни? — удивилась она. — У нас училище медицинских сестёр. Здесь одни девчонки!

Мы долго смеялись с Гией, вспоминая нашу «Боевую тревогу» и искренне удивлялись: так кого же мы, brave морские волки, тогда «били» и от кого «спасали» девушек? Выходит, героями мы стали, защитив мир от призраков собственного воображения. Что, впрочем, только добавляло нашей легенде своеобразного, сюрреалистичного шарма.

4. Первый раз в море

После утренней речи начальника мы ждали расправы. Вычет из стипендии — это было больно, но терпимо. Выговоры с занесением — неприятно, но не смертельно. А вот запрет на заграничную практику... Это было похоже на приговор, вынесенный ещё до начала суда. Мы бродили по коридорам экипажа, как тени, и в глазах у всех читался один и тот же вопрос: «И что теперь?».

Гия, вопреки обыкновению, молчал. Он сидел на подоконнике в конце коридора, курил в форточку и смотрел куда-то вдаль, где за крышами домов угадывалось море. Я присел рядом.

— Ну что, философ, — сказал он, не оборачиваясь. — Допрыгались? Теперь вместо Гамбурга будем в Потти разгружать цемент. — Сказал, как сглазил, хоть стучи по дереву.

— А ты что, реально хотел за границу? — удивился я.

Он повернулся, и в его глазах я впервые увидел не бандитскую браваду, а что-то другое. Почти детское.

— А ты думал, я сюда зачем припёрся? — усмехнулся он. — В тюрьму я всегда успею. А вот мир посмотреть... — Он затянулся и выпустил дым колечком. — Знаешь, сколько моих знакомых уже в Союз не вернулись? Вон, дядя Важа, второй механик, в Бразилии остался. Пишет иногда. Там пальмы, мохито, девушки горячие... — Он мечтательно закатил глаза. — А я тут, с вами, идиотами, через заборы прыгаю и клумбы топчу.

Я хотел сказать что-то ободряющее, но в этот момент в коридор влетел Сашка. Он был красный, запыхавшийся, но не от страха, а от какого-то дикого возбуждения.

— Там это! — заорал он на весь коридор. — Разумов картину закончил!

Мы переглянулись и, забыв про выговоры и запреты, рванули к спортзалу. Там уже толпился народ. Разумов, скромный и смущённый, стоял у картины и нервно тербил кисть. Перед ним, во всей красе, сияло полотно три на два метра. Это было нечто невероятное.

Солдаты, идущие в атаку, были как живые. Дым пожарищ, всполохи огня, измождённые, но решительные лица — всё это было выписано с такой точностью и душой, что даже выдавшие морские виды притихли. Золотой бордюр, который я так старательно выводил неделями, горел на солнце, обрамляя этот шедевр, как драгоценную реликвию.

— Ну, Разумов, — выдохнул кто-то из толпы. — Ты гений!

В этот момент в спортзал вошёл капитан Церетели. Он остановился, молча посмотрел на картину, потом на Разумова. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Закончил, — тихо сказал Разумов.

— Вижу, — коротко ответил Церетели. — Не ожидал. Честно. Думал, вы там в спортзале дурью маетесь, а вы... — Он подошёл ближе, всмотрелся в лица солдат. — Это сильно. Очень сильно. Я поговорю с начальником. Такое добро не должно пропадать. Может, в музей училища повесим.

Тут он обратил внимание на медную табличку в углу картины. Там были выгравированы две фамилии: крупно — Разумов, и чуть ниже, скромно, но чётко — моя.

— А это кто ж такой... — Церетели запнулся, прочитав мою фамилию, и перевёл взгляд на меня. — Соавтор, что ли?

— Мы вместе картину рисовали, — тихо сказал Разумов и показал на меня рукой.

— И когда ты это успеваешь? — заржал Церетели, и его смех разнёсся по спортзалу. — И картины рисовать, и неприятности находить? Талант, однако!

Гия, стоявший рядом со мной, сначала скосил глаза на картину, потом на меня и хмыкнул:

— Слышь, художник. А ты тут при чём? Краску, что ли, подавал?

Я молча ткнул пальцем в табличку. Гия присвистнул, наклонился, разглядывая гравировку, потом выпрямился и посмотрел на меня уже по-новому. С уважением.

— Ни фиги себе, — протянул он. — Значит, и ты художник? Соавтор?

— Соавтор рамки и фона, — уточнил я, пряча улыбку. Но на душе всё равно разлилось что-то тёплое.

— Для рамщика ты неплох, — усмехнулся Гия и хлопнул меня по плечу так, что я чуть не присел. — Ладно, будешь моим личным оформителем. Если что нарисовать надо — к тебе приду. С нас — печенье механиков, с тебя — художества. Но теперь я знаю: ты не просто краску мешал. Вон твоя фамилия, на меди выбита. Значит, заслужил.

Через неделю гул в училище поутих. Нас, конечно, наказали. Стипендию урезали на треть, заставили мести плац и чистить картошку на всю столовую. Зато в городе о нас ходили легенды. Местные при встрече смотрели с уважением и чуть ли не просили автографы.

Вернувшись однажды в экипаж, мы застали странную картину. В коридоре, у расписания занятий, толпился народ. Кто-то громко матерился, кто-то смеялся, кто-то, наоборот, задумчиво чесал затылок. Мы протиснулись поближе.

На доске висело новое объявление, отпечатанное на машинке и скреплённое суровой печатью начальника училища:

«Вниманию курсантов первого курса судоводительского отделения!

В связи с началом зимнего периода, командованием училища принято решение о проведении внеплановых учебно-тренировочных сборов на базе шлюпочной практики в порту Батуми.

Сборы продлятся две недели. Построение каждое утро в 8:00.

Командование надеется, что свежий морской воздух и тяжёлый физический труд помогут вам осознать всю глубину вашей ответственности перед обществом и училищем».

— Шлюпочная практика? — выдохнул кто-то. — Это же жопа!

— Какая жопа? — возразил другой. — Это же море! Практика! Шлюпки!

— Ага, шлюпки, — мрачно буркнул Гия. — Знаю я эту практику. Будем с утра до ночи вёслами махать, пока руки не отвалятся. И кормить будут баландой.

— Зато море, — тихо сказал я.

Гия посмотрел на меня, и вдруг его лицо расплылось в улыбке.

— Романтик, да? — Он хлопнул меня по плечу. — Ладно. Будет тебе романтика. И, может, хоть там научимся чему-нибудь полезному, кроме прыжков через заборы.

В порту Батуми нас встретил пожилой боцман, которому тут же дали прозвище Дед. Он был похож на моржа: огромные усы, красное обветренное лицо и голос, который мог перекрыть любой шторм.

— Значит, вот они, герои? — прохрипел он, оглядывая наш сброд. — Спасатели девушек? Борцы за справедливость?

Мы молчали, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну-ну, — усмехнулся Дед. — Посмотрим, какие вы в деле. А ну, стройся! Шлюпка на воду! Кто не умеет грести — будет учиться прямо сейчас. Имейте в виду: у меня тут не мореходка. Тут — настоящая работа. Если кто упадёт за борт — вылавливать не буду. Сами выплывайте. Проверка на профпригодность.

Первая шлюпка, шестивёсельный ял, показалась нам игрушечной. Нас погрузили по двенадцать человек на шлюпку плюс два руководителя — спереди и сзади. Мы яростно рванули с места на рейд. Было весело. Но когда мы вышли на открытую воду, когда ветер ударил в нос, а вёсла налились тяжестью, я вдруг понял: вот оно. То самое, ради чего я сюда приехал. Море пахло не мазутом и водорослями, как в Батуми, а солью, свободой и чем-то огромным, бескрайним.

Гия сидел на вёслах рядом со мной. Он тоже изменился лицом. Исчезла его вечная бандитская усмешка, появилась сосредоточенность, почти радость.

— Слышь, Пикассо! — крикнул он, перекрывая шум ветра. — А это ничего так! Мне нравится!

— Мне тоже! — крикнул я в ответ.

Мы гребли, врезаясь в двухбалльные волны, и в эти минуты не было ни бластных, ни тихонь, ни штурманов, ни механиков. Была просто команда, двенадцать человек в утлой шлюпке, и огромное море вокруг.

Вечером, уставшие, мокрые, сбившие ладони в кровь, мы сидели в столовой и пили горячий чай с баранками. Шеф-повар Сандро, как обычно, напевал что-то грузинское, и его голос, мягкий и тягучий, смешивался с запахом свежего хлеба и пота. Наши уставшие тела наслаждались едой, как никогда.

— Ну что, герои, — спросил капитан Церетели, подходя к нашему столу. — Поняли, что такое море?

— Поняли, — выдохнул кто-то.

— И что вы поняли?

Тишина. Только ложки звякают о миски.

— Ни хрена вы не поняли, — усмехнулся Церетели. — Море — это не подвиг. Море — это работа. Каждый день. С утра до ночи. Когда руки болят, спина не разгибается, а в глаза соль сыплется. Скоро вы всё поймёте. А пока вы — салаги. Учитесь.

Он вышел, оставив нас в тишине.

— Жёстко сказал, — прошептал Сашка.

— Зато честно, — сказал Гоги.

Ночью я лежал на койке. Впервые за всё время, проведённое в мореходке, я чувствовал что-то, похожее на счастье. Море было рядом. Настоящее, живое, дышащее. И ради этого стоило терпеть и выговоры, и урезанную стипендию, и даже церетелевские нотации.

Завтра будет новый день. Новые вёсла, новая усталость, новый солёный ветер. Но это был наш ветер. Наше море. И мы, дураки, романтики и бандиты, наконец-то вышли на свой первый, настоящий курс. Пусть даже в утлой шлюпке, пусть даже под присмотром сурового Деда. Но — вместе.

А наутро нас обрадовали новым сообщением: впереди — шлюпочный поход из Батуми в Потю и обратно. Сто двадцать километров на вёслах вдоль побережья.

— Ну, Пикассо, — сказал Гия, заглядывая мне в глаза. — Готовь ладони. Кожа там, говорят, к концу похода отрастает новая. Железная.

— А море? — спросил я.

— А море будет, — улыбнулся он. — Обещаю.

5. Наши 57 километров испытаний

Нас отправили вдоль побережья на пяти шлюпках из Батуми в Потю. Расстояние — 57 километров, или 31 морская миля. Нельзя однозначно ответить на вопрос, с какой скоростью плывёт вёсельная шлюпка. Как объяснял нам потом старый боцман, скорость зависит от типа шлюпки, силы ветра, высоты волны, умения гребцов и, как ни странно, от их настроения.

Однако инструкция была строгой. Для шестивёсельного яла нормальный темп гребли — 26–30 гребков в минуту. При движении по ветру проводка весла должна была быть сильной и резкой, а занос — медленным и плавным, без разворота лопасти. При движении против ветра и волны всё наоборот: шлюпка теряет ход сразу после гребка, поэтому вёсла заносят быстрее, а проводят медленнее. В общем, опытные люди прикинули: в среднем получается около 5 км в час. Если грести по 8 часов в день, добраться до Потю можно было бы за два дня.

Но стояли ещё тёплые дни. Туристы и отдыхающие загорали на пляже, а некоторые даже купались — в конце октября это считалось особым шиком. Всю дорогу нам встречались катамараны с молодыми девушками. А в шлюпках сидели шестьдесят молодых и голодных курсантов, просидевших два месяца в изоляции от женского пола. Кто придумал этот поход, я бы тому премию дал.

— Слышь, романтик! — крикнул Гия с соседней банки, когда мимо проплыл очередной катамаран с компанией визжащих девушек. — Ты видишь это чудо? А мы тут вёслами машем, как каторжные на царской галере!

— А ты что предлагаешь? — пропыхтел я, налегая на весло. Ладони уже горели огнём, но бросать вёсла перед Гией было делом чести.

— Предлагаю подналечь! Если быстро доплывём до Потю — там девушки ещё красивее!

— Откуда такая логика? — я аж весло чуть не выронил от такого заявления.

— Я, бичо, из Поти! — Гия гордо выпрямился на банке, отчего шлюпка ощутимо качнулась. — В Поти порт большой и военная база. Там, между прочим, самые красивые девушки на всём побережье! Я знаю, я там вырос!

— А ну сел! — рявкнул сзади старшина Арсен, сидевший на руле. — Раскачали тут лодку, дельфины хреновы!

Но Гия уже вошёл в раж:

— У меня бабушка с дедушкой в Поти живут! Прямо на берегу! Дом двухэтажный, крыша плоская — загорать можно! Если быстро доплывём, всех к себе приглашу! Хачапури горячие будут, вино домашнее, бабушка такое лобio делает — пальчики оближешь!

По шлюпке прокатился одобрителный гул. Даже те, кто еле ворочал вёслами, вдруг встрепенулись.

Сзади раздался тяжёлый вздох старшины Арсена. Он поправил фуражку, сдвинутую набекрень, и голос его прозвучал с усталой мудростью человека, который таких романтиков уже не одну сотню перевидал:

— Мечтатели, блин. Вы сначала до Петра доплывите, а потом про Поти рассуждайте. И весло не размахивай, как флагом на первомайской демонстрации. Технику гребли нам никто не отменял. — Он сделал паузу, и в его голосе мелькнуло что-то человеческое. — А насчёт хачапури... это если без опозданий и без ЧП. Тогда, может, и отпущу на пару часов. К бабушке. В увольнение.

Гия аж подпрыгнул на банке, окончательно раскачав шлюпку:

— Товарищ старшина! Да я за это!.. Я такие вёсла покажу! У нас вся шлюпка первой придёт! — Он повернулся к нам: — Слышали, орлы? Навались! Ради хачапури и потийских девушек!

— Ради бабушкиных пирогов я хоть до Турции грести готов! — выдохнул запыхавшийся Сашка.

— До Турции тебе ещё рано, — буркнул Гоги. — Сначала до Поти дотяни.

— Посмотрим, — усмехнулся Арсен, пряча усмешку в усах. — А ну навались! Раз-два, раз-два! И чтоб ритм не сбивали! Загребные, держите темп!

Мы навалились. Вёсла замелькали с удвоенной скоростью. Даже сквозь усталость пробилося что-то похожее на азарт. А над морем, над пятью утлыми шлюпками, над шестьюдесятью молодыми идиотами, гнавшимися за призрачной мечтой о хачапури, домашнем вине и красивых девушках, плыл тёплый октябрьский воздух и голос старшины:

— Левый борт, не отставай! Правый, уймись, не гони лошадей! Гребём красиво, гребём как в последний раз! Кто первый причалит — тому почёт и уважение! А кто последний — будет у меня всю ночь шлюпки драить!

— За мной, мужики! — заорал Гия. — Я дорогу знаю! Там, за тем мысом, уже Поти виднеется! Бабушка ждёт!

Мы навалились снова. Вёсла замелькали с удвоенной скоростью. Арсен на руле только покрикивал:

— Ритм держите! Не сыпьтесь!

Часа через два, когда первые восторги поутихли, началась проза жизни. Ладони стёрлись в кровь, несмотря на то, что их старались держать сухими (мокрая кожа быстрее стирается, нас предупреждали). Спина ныла, а мышцы рук превратились в желе.

— Ничего, — подбадривал нас Гоги, сидевший через банку. — Кожа загрубеет, мясо нарастёт. Будете как настоящие моряки.

— А сейчас мы кто? — простонал Сашка.

— Сейчас вы — салаги, которым полезно физически развиваться, — философски заметил Разумов. Он сидел на вёслах с удивительным спокойствием, словно всю жизнь только этим и занимался. — Кстати, в Англии, говорят, гребля — элитный вид спорта. Оксфорд против Кембриджа каждый год гоняются.

— А мы против кого гоняемся? — спросил я.

— Против самих себя, — усмехнулся Разумов. — И по течению.

К обеду мы подошли к Петре. Крепость Петра представляет собой развалины крепости, которую построили византийцы в IV веке н. э. Позже она переходила из рук в руки — то к персам, то к туркам, потом к русским. Поэтому на её территории есть постройки разных веков. Крепость находится на возвышенности, и со смотровой площадки открывается прекрасный вид на море и береговую линию. Слева вдалеке виднеется Батуми, справа — город Кобулет. Внизу под крепостью расположен пляж, который считается одним из лучших в районе Батуми.

Вот там мы и причалили. Было время обеда.

— Суши вёсла! — скомандовал Арсен, и наши шлюпки одна за другой ткнулись носами в песок. — Обед сорок пять минут. Кто опоздает — будет догонять нас вплавь.

Мы повыпрыгивали на берег, разминая затекшие ноги. Пляж и правда оказался отличным — чистый песок, пологий вход в море, а над головой — почти летнее солнце. Только вода уже была прохладной, но самых отчаянных это не остановило.

— Купаться! — заорал Гия, на ходу сдирая с себя гюйс. — Кто со мной?

Человек десять рванули за ним, на ходу сбрасывая одежду. Остальные попадали на песок прямо в чём были, раскинув руки, как морские звёзды.

Я сидел на банке шлюпки, разглядывая крепость. Камни, поросшие мхом, узкие бойницы, остатки стен — всё это дышало историей. Интересно, сколько таких же путников причаливало здесь за тысячу лет? Может, византийские купцы, турецкие воины, русские матросы... А теперь мы, шестьдесят обалдуев в курсантской форме.

— Ты чего сидишь? — ко мне подошёл Разумов с бутербродом в руке. — Иди поешь нормально. Сухпаёк раздали.

Я спрыгнул на песок. Действительно, старшины уже организовали раздачу еды: по банке тушёнки на двоих, хлеб, вода и даже по яблоку — видимо, командование решило, что героев надо подкормить.

— А где вино? — возмутился кто-то из соседней шлюпки. — Обещали же!

— Тебе что, вино на вёслах? — огрызнулся раздатчик. — Доплывёшь до Поти — там бабушка Гии нальёт.

Гия, выскочивший из воды мокрый и довольный, подхватил:

— Бабушка нальёт! Но только тем, кто не опоздает к отплытию!

Мы расселись на песке, вскрывая консервы. Тушёнка, разогретая на солнце, показалась вкуснее любого ресторанного блюда. Хлеб, ещё утром чёрствый, теперь таял во рту. А яблоки хрустели так, что слышно было на весь пляж.

— Красота, — развалившись на песке, промышчал Сашка. — Вот бы всегда так. Приплыл, поел, полежал...

— Мечтать не вредно, — отрезал Гоги, обгладывая хлебную корку. — Нас через сорок минут опять на вёсла посадят.

— И правильно, — встрял подошедший Арсен. — А то размечтались тут, курортники. Ешьте давайте и отдыхайте. Вторая половина пути тяжелее будет.

Я посмотрел на крепость. Очень хотелось забраться наверх, на смотровую площадку, увидеть весь этот вид, о котором говорили. Но времени было в обрез. Решил, что схожу хоть немного вглубь, к подножию.

— Я быстро, — сказал я и, захватив яблоко, побрёл к развалинам.

Камни были тёплыми, кое-где виднелись остатки кладки, в которой угадывались разные эпохи. Вот византийская стена из крупных блоков, вот турецкая пристройка из более мелкого камня, а вот уже русская казарма — узнаваемая по характерной кладке XIX века. Всё это перемешалось, проросло травой и мхом, но продолжало стоять, напоминая о бурной истории этих мест.

Я дошёл до тропинки, ведущей наверх, но тут услышал свист с пляжа:

— Возвращайся! Отплываем через десять минут!

Пришлось бежать обратно. На пляже уже грузились в шлюпки. Гия, мокрый и счастливый, помогал сталкивать нашу лодку на воду.

— Ну что, экскурсовод? — крикнул он мне. — Насмотрелся на древности?

— Насмотрелся, — кивнул я. — Красиво.

— Ага. Моя бабушка говорит, что раньше тут монахи жили. Потом турки пришли, потом русские... А теперь мы приплыли.

— И мы тоже оставим свой след, — усмехнулся Разумов. — В виде стёртых ладоней на вёслах.

— По шлюпкам! — разнеслась команда Арсена. — Отчаливаем!

Мы заняли свои места, вставили вёсла в ключины. Я в последний раз оглянулся на крепость. Она стояла на своём холме, вечная и спокойная, провожая нас взглядом своих пустых бойниц. Кто знает, может, через тысячу лет кто-то так же проплывёт или пролетит мимо наших развалин и подумает: «Интересно, что это были за люди?»

— На воду! — рявкнул Арсен. — Раз-два, взяли!

Вёсла синхронно ударили по воде, и наши шлюпки, покачиваясь, двинулись дальше вдоль берега. До Поти оставалось ещё километров тридцать пять. И бабушкины хачапури с домашним вином ждали нас впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.